КАФЕДРА

Масоны, монахи, цари

Александр Пушкин и Петр Чаадаев:

Петр I расколол Россию на верх и низ, на левое и правое.

Б.Щербаков. Петр I принимает послов

ПУШКИН И ЧААДАЕВ СОШЛИСЬ, КАК ЛЕД И ПЛАМЕНЬ. ПУШКИН СМОТРЕЛ НА ЧААДАЕВА КАК НА ПРОРОКА, НА МУДРЕЦА.

Федор Гиренок

Россия, как компьютер, зависла в ожидании перемен. Время идет, а наша история остановилась. Она застряла где-то между Пушкиным и Чаадаевым, вынуждая нас к существованию в режиме неизвлеченных смыслов. У нас по-прежнему нет ответов на вопросы о том, кто мы и с кем мы: с Пушкиным или с Чаадаевым. Эта тема является болезненной для нашей культуры. Она нервирует нас, заставляет горячиться. И делать глупости. В смысле истории мы все еще находимся в XIX веке. И с Пушкиным, и с Чаадаевым.

Лицеист и гусар

Пушкин и Чаадаев познакомились в 1816 году в Царском Селе у Карамзина. Пушкин учился, Чаадаев служил в гусарском полку. Они сошлись, как лед и пламень. С одной стороны, восторженный лицеист по прозвищу Француз, с другой – герой войны 1812 года. Пушкин смотрел на Чаадаева как на пророка, на мудреца, недремлющая рука которого могла в любую минуту поддержать его. Но как смотрел Чаадаев на Пушкина?

О писателях принято судить по их сочинениям. Что можно сказать о Пушкине? Ничего. По словам Гоголя, каждый поэт отражается в своих стихах. Один Пушкин – исключение. Он все время от нас куда-то ускользает. Его нельзя застать врасплох, увидеть таким, какой он есть. Поди улови его характер, если он в одном месте показывает себя одним образом, в другом – другим. Характер Пушкина потому и светоносен, что он дипластичен, эмоционален. Амбивалентность Пушкина разогревает его до состояния плазмы. Пушкин двусмыслен, изменчив. Он живой. Чаадаев схематичен, однообразен, как застывшая кора огненной лавы.

Первый сумасшедший

У нас, у русских, есть странные символы: Царь-пушка, которая ни разу не стреляла, Царь-колокол, который никогда не звонил. И еще у нас есть великий писатель, который ничего не написал. Это Чаадаев, который в одном из писем брату признался: «Слов ни на что не нахожу и с досадою бросаю перо». В другом письме Чаадаев заговорит уже о своей полной бессловесности, вновь с досадой повторяя: «Сколько ни брался за перо, ни строчки не могу написать».

Тем не менее Чаадаев точно знает, что он философ, мыслитель, которого высоко ценит сам Шеллинг. Но философии нужны слова, много слов. А у него их нет. Поэтому Чаадаев, как святой, вынужден философствовать без слов. Но Бог милостив, и в мире появился Пушкин с чудесным даром слова. Чаадаев и обратился к Пушкину, мол, Пушкин, ты мне нужен, ты ведь слово, а я – ум. А уму никак нельзя без слова. Давай соединимся, давай из твоих слов построим железную дорогу, по которой помчится паровоз моего ума. «Нам суждено быть вместе», – восклицал Чаадаев. Но Пушкин отнекивался, уклонялся от союза. О чем Чаадаев сожалел. «Это несчастье, мой друг, – написал он Пушкину в 1831 году, – что нам не пришлось в жизни сойтись ближе». Я думаю, что это хуже, чем несчастье. Это судьба философии в России.

Там, где в Европе философу достаточно было слова, в России нужно было поставить на кон жизнь. В России философия сопряжена с сумасшествием. И первым в ряду сошедших с ума стоит Чаадаев.

Масоны

В России не всегда были партии. Раньше их заменяли масонские ложи. Их знаки и сегодня можно встретить везде, даже в Кремле и Донском монастыре. Кругом циркули, мастерки и глаза, вписанные в треугольник.

В окружении Пушкина, пожалуй, только Арина Родионовна не была членом тайного сообщества. Отец – масон. Дядя – масон. Друзья-декабристы – масоны. Хромой Тургенев, как и его брат, – тоже масоны. Говорят, Вяземский положил в гроб Пушкина перчатку как знак признания его братом по ложе. Масоны – это наши учителя, сеятели идеи равенства, братства и свободы. Пушкин – их нежный плод, легко ранимое создание. В 1817 году он написал Чаадаеву:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна.
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

При чтении этого послания мне чудится Пушкин с циркулем, Чаадаев с мастерком, под ними – обломки, над ними – всевидящее око звезды и надпись «Товарищи на стройке». Ода «Вольность» – это, на мой взгляд, масонская идея в восприятии Пушкина, ее материализованный смысл. В ней Пушкин говорит так, как будто это юный Гайдар стреляет в тамбовских крестьян:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью я вижу.

Конечно, от православия здесь у Пушкина нет ничего. Это не неистовство протопопа Аввакума. Здесь Русью совсем не пахнет. Здесь витает дух вольных каменщиков. По наблюдениям Ивана Ильина, Пушкин двигался от революционного бунтарства – к свободной лояльности, к мудрой государственности. Масонский дух «Арзамаса» рассеялся уже к 1825 году, в октябре которого Пушкин написал:

Ура, наш царь! Так выпьем
за царя.
Он человек. Им властвует
мгновенье,
Он раб молвы, сомнений
и страстей.
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал
лицей.

А через два месяца декабристы вышли на Сенатскую площадь. И Пушкин мог быть с ними. «И я бы мог», – написал Пушкин на страницах рукописи «Евгения Онегина», пометив среди нарисованных им профилей Пестеля, Кюхельбекера и Рылеева свой. На прямой вопрос Николая I, где бы он был 25 декабря, Пушкин так же прямо заявил: на площади. Но, я думаю, не потому, что он якобинец, а в силу благородства и личного достоинства.

Дед

Чаадаев имел восьмую степень посвящения в масонские тайны. Его дед, князь Щербатов, тоже не черносотенец, а очень влиятельный масон, он увлекался утопиями, переводил социалиста Фенелона, а также написал «Путешествие в землю Офирскую».

Что же хотели масоны? Прежде всего раздавить гадину, то есть Церковь. Они хотели построить социализм консервативного типа, создать светское государство. Для этого им надо было освободить государство от пут христианской веры, а также от связи государства с народными традициями, с национальными элементами общества.

Для Щербатова православие – это отсталое умоначертание, идиотизм деревенской жизни, который должен быть заменен рациональным вероисповеданием. Если Щербатов возлагал надежды на естественную религию, то его внук Петр Чаадаев довольствовался малым. Он жаждал замены православия католицизмом. Идеи князя Щербатова нашли свое отражение в «Философских письмах» его внука, Петра Чаадаева.

Разногласия

Пушкин прочитал первое философическое письмо Чаадаева еще в 1830 году, упомянув о нем в своем письме к Погодину. Прочитал и промолчал. В 1836 году Чаадаев, пытаясь сделать себя более известным, опубликовал письмо в «Телескопе». Пушкин очень удивился. Зачем он интимные мысли выставил на всеобщее обозрение? Ведь они написаны им частному лицу. Пушкин был недоволен. Впрочем, как заметил Тургенев, вся Москва опрокинулась на Чаадаева. Все стали его критиковать. Даже друзья, ибо Чаадаев неявное сделал явным, вслух заговорив о том, о чем следовало бы молчать. Масоны знают, что многие вещи надо делать тихо, негромко, за ширмой.

А что же Пушкин? Он, как всегда, гуляет сам по себе. Он не охотник, чтобы устраивать облаву, а Чаадаев – не зверь, которого надо обложить. Было бы странно, если бы Пушкин вместе со всеми в одном порыве негодования кричал Чаадаеву: «Ату его!» Это был бы уже не Пушкин, а Евтушенко или Вознесенский.

В России не всегда были партии. Раньше их заменяли масонские ложи

Пушкин называл демократию «забавой взрослых шалунов». К коим относил и Чаадаева